

— Владимир, почему вы пишете не по-русски, а по-французски и по-английски?

— Во-первых, потому, что пишу для западного читателя. В России, насколько мне известно, меня не знают. Да и вступили мне предложили в этом году не в ваш Союз писателей, а во Французскую академию. Во-вторых, я родился во Франции — в 1932 году в XV округе Парижа. Родился, заметьте, 7 ноября. Так что этот день — мой праздник... Во Франции получил образование. Одну и ту же мысль по-французски могу передать в двадцати вариантах, а по-русски — приблизительно в восьми. Английский же — дань нынешнему дому. Жена моя — американка, и с 1966 года я живу в США, сейчас — в штате Джорджия... Но русский язык, как видите, не забыл, себя не забудешь. Во мне нет ни капли французской крови. Славны были мои пращурцы! Достаточно вспомнить о Петре Ильиче Чайковском. Великий композитор был кузеном — простите, двоюродным братом — моей прабабки. А отец ее, тоже Петр Чайковский, был изуродован французами и англичанами в Крымскую войну, за что и получил право сидеть в присутствии государя императора...

В. Волков — это детективы и психологические драмы, научная фантастика и философские произведения. Горы критических отзывов, авторы которых, исходя из сюжетов его книг, их формы и языка, теряются в догадках, кто же он такой «специалист по дезинформации» (роман «Версия») или «наследник Толстого и Пруста» [эпопея-тетралогия «Настроения моря», «агент-двойник ЦРУ и КГБ» (роман «Вербовка») или «фанатичный адепт Святой Руси» (сказание «Владимир Красное Солнышко»)]...

— Я один из редких на Западе писателей, живущих целиком за счет гонимых. Иногда, правда, читаю лекции, когда-то преподавал. Бывает, пишу для журналов, но в принципе этого не люблю — статьи отрывают от большого дела.

Стремительный, подтянутый, в строгом костюме [кажется, будто он родился в галстук, как-то писали о нем], Владимир Волков сегодня — гость парижского корпункта «Литературной газеты». Он приехал во Францию, чтобы найти в архивах материалы, необходимые ему для работы над романом о Борисе Годунове и «Смутном времени». Только что в Париже вышли его «Люди царя» — историческая хроника об опричнине и Иване Грозном. А не так давно в «Фигаро-магазине» был опубликован его очерк о традициях казачьего войска, осевшего под Парижем.

— С радостью пишу о Святой Руси. Вы заметили, что, когда приезжаете на русское кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, словно что-то происходит в атмосфере, будто биополе меняется? Помните: «...И врата ада не одолеют ее»? Это в Писании сказано о церкви, но относится и к Руси. Я вижу две церкви: малую — непосредственно Православие, а вокруг нее — большую, саму Россию. Я испытываю уважение к соотечественникам, оставшимся на Родине. Мы, эмигранты, не пережили и части тех испытаний, через которые пришлось пройти им. Может, это ощущение живет у меня потому, что я вообще преклоняюсь перед мученичеством Святой Руси? Не люблю эмигрантов, которые поучают Москву, как ей надо жить. Пусть деды мои и погибли в гражданскую, но я-то, родившийся во Франции, какое имею право на менторство по отношению к России?!

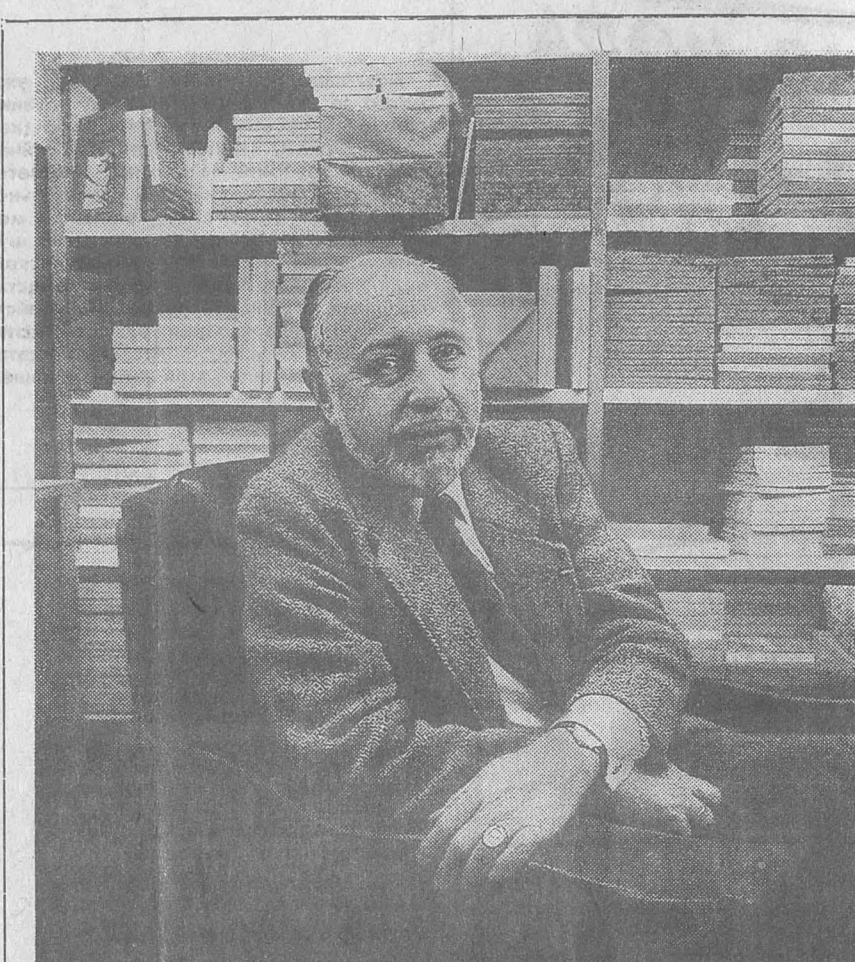
Если верить Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, Волковы — род древний и славный. Были в нем и высокие должностные лица, и послы [«Палаццо Волкофф» — и по сей день называется в Венеции один из дворцов в память о посланнике российского в XVIII веке], и литераторы. Не прежде всего Волковы были военными — и при Иване Грозном, и при Петре, и при обоих Николаях...

— Верность присяге всегда считалась одним из главных достоинств русского офицера. Французский офицер командует, немецкий идет позади своих солдат, направляя их, а русский встает под пулями во весь рост и первым бросается в атаку. Меня с детства воспитывали: если есть у офицера привилегия, то главная из них — рисковать собственной жизнью на глазах у солдат. Горд тем, что мои предки до конца остались верны Родине, не изменили присяге. Они покинули Россию, ибо не могли отказаться от своих принципов, но всегда оставались русскими. Отец моей матери, полковник инженерных войск,

талантливый архитектор, мыл по одиннадцать часов в день вагоны для перевозки скота. Он мог бы, без сомнения, найти во Франции работу, более соответствующую его образованию, но умышленно этого не делал: до конца жизни верил, что со дня на день его призовет к себе Россия. Даже договорился с хозяином, что может отказаться от своего рабочего места без предварительного предупреждения.

Мой отец, сперва зарабатывавший на жизнь тем, что мыл автомобили, тем не менее поднялся на чужбине выше своего тестя: научился взбираться на столбы и вести во французские деревни электрические провода. Едва лишь началась вторая мировая война, кровь потомственного воина дала о себе знать: отец вступил в Иностранский легион — самое боевое наемное подразделение французской армии. Капитуляция, плен, гитлеровский лагерь... Вернувшись домой после победы, отец не скрывал от меня, мальчишки, правды об ужасах войны. Варварство людей никогда не удивляло меня. О ГУЛАГе, которым Солженицын поразил Запад, я знал с детских лет. О каждодневном насилии, которое было обоим у красных и у белых. Мой дед по отцовской линии, генерал от инфантерии, был захвачен вместе с адмиралом Колчаком и погиб после жутких издевательств. Впрочем, и белые не церемонились с попавшими в плен красными. Есть ли предел людскому озлоблению? Духовному ослеплению, приходящему от жажды мести, а значит — и крови? Предел духовному отупению?

Эти вопросы Владимир Волков поднимает в романе «Настроения моря». Трудно передать содержание этого огромного романа, действие которого происходит в Америке. Франк Блок — это лишь один из его героев — иммигрант из Европы, ставит в театре пьесы в стихах. Неясно, откуда взялся этот таинственный человек, кто он — участник Сопротивления, нацистский преступник или чудом спасшаяся жертва сталинизма, на что живет. Но фигура Блока, циника и джентльмена, романтика и авантюриста, не может не завораживать, не притягивать к себе. Это чувствует и Арним, молодой человек, приехавший в Новый Свет из Франции в поисках отца. Может быть, Блок и есть его отец? Жизнь Блока, о которой капля по капле узнает Арним, — это и сталинские чистки, и война в Алжире, и

Владимир Волков (по-французски: Волкофф) — известный французский прозаик, сценарист и переводчик, автор более 20 романов, сборников новелл, повестей, пьес, экранизированных и переведенных на разные языки. Потомственный эмигрант, проживающий сейчас в Америке. Лауреат многих литературных премий, в том числе — Большой премии Французской академии. Писатель сам себя причисляет к разряду «традиционалистов». Круг его тем весьма обширен. Это и политический детектив, и исторический роман, и биография. В. Волков смотрит на русскую историю под черкнуто субъективно, многое воспринимает обостренно. В ходе беседы он высказывает оригинальные суждения. Пусть с ним часто трудно согласиться, но не выслушать его было бы непостижимой оплошностью.

Владимир ВОЛКОВ:

«НА РОДИНУ ТУРИСТОМ НЕ ЕЗДЯТ»

эмигрантские митарства, и нацистские шашаши, и конфликты «отцов и детей».

— Меня всегда интересовали взаимоотношения личности и власти, монарха и народа, правителя и олигархии. Очень хотелось написать книгу о властителе, мечты которого воплощаются в жизнь, все начинания удаются. Александр I? Он был, на мой взгляд, слишком большим мистиком. Французский Генрих IV? Не люблю самодержцев, которые позволяют убить себя в расцвете сил. Николай I? Разве можно простить ему Крымскую кампанию, покрывшую позором русскую армию?!

— Неужто лишь поражение в Крымской войне заставило вас отказаться от того, чтобы сделать Николая, прозванного Палкиным, положительным героем вашего романа? А расправа над декабристами, а травля Пушкина, Грибоедова, Достоевского?!

— Давайте не будем спорить о царях! Иначе до конца ночи не разойдется, так и оставшись, впрочем, каждый при своем мнении. Знаю: есть историческая школа, представляющая Николая I «врагом мысли, цербером литературы». Однако именно царь избавил Пушкина от казенной цензуры, взяв его под свое личное покровительство. Государь не поверил жандармам, утверждавшим, что Грибоедов был активным участником декабристского заговора. Именно Николай I раз-

решил играть «Ревизора», несмотря на ожесточенные протесты администраторов и чиновников. Уверю вас: ни Сталин, ни Брежнев на такой поступок не были бы способны. А Достоевский, которому монаршей милостью даровали жизнь тогда, когда он был приговорен к казни?!

— Все равно не убедите меня. Человек, взойшедший на трон, расправившись с декабристами — совестно русского народа, его лучшими людьми, навсегда покрыл позором в памяти потомков.

— А я не люблю декабристов, не верю им. Помните: «Страшно далеки они от народа»? У них не было реальной программы, и вообще их эксперимент мог еще в прошлом веке увести Россию черт знает куда. Николая звали «палачом», а он приказал повесить лишь 5 человек! Уверен, декабристы на его месте устроили бы кровавую бойню, не зря их «духовниками» были якобинцы.

— Помилуйте, это уж слишком! Декабристы были демократами в высшем смысле этого слова. Пусть утопистами, но в первую очередь гуманистами!...

— Нет, вы дослушайте. Кого они прочли своим военным министром? Ермолова, палача народов Северного Кавказа, оставившего после своих карательных отрядов выжженную землю. Сознаться, пересматривая сейчас многие страницы российской истории, советские ученые еще не готовы взглянуть свежим взглядом на

эпоху царизма. И не надо сантиментов по поводу жен декабристов, последовавших за мужьями на каторгу. Жен для того Богом и созданы, чтобы следовать всюду за мужьями. Тем паче, что их никто не ссылал, они поехали сами, а не пошли в кандалах по этапу. Свободные поехали! Сталин с женами своих врагов, даже гипотетических, поступал, как вы знаете, совсем иначе.

— Ладно, оставим это... Ну, а чем вас увлек Владимир-Креститель? Он ведь тоже ангельским характером не отличался. Как известно, нес веру православную и огнем, и мечом. А ваша книга «Владимир Красное Солнышко», на мой взгляд, в значительной мере — идиллия.

— Владимир — ключевая фигура в русской истории. Он для меня — начало. Принятие христианства изменило путь развития Руси. Меня поразили масштабы празднования у вас тысячелетия крещения Руси. Поразили и озадачили. Что такое для меня коммунизм? Вижу его по Достоевскому: воинствующий атеизм. Когда же в России, управляемой коммунистами, начинают чтить Святого Владимира, я сперва теряюсь, а потом говорю: мне в принципе все равно, какая социальная структура вашего общества. Поймите: капитализм мне вовсе не дорог, я не капиталист. Если вам так хочется, управляйте на здровье страной по Марксу, только по-

ка что из этого вроде бы мало что получается. Хотя, с другой стороны, газеты на Западе все могут написать — я в России сроду не был. Может, там уже рай земной.

Волков хитренько смотрит на меня, тербя бородку. Мне не остается ничего иного, как признать:

— До рая далеко.

— Я так и думал. Не считайте, что злорадствую. Это не в моем характере. Просто я на самом деле слишком далек от политики. Никогда в жизни не голосовал. Пустое, на мой взгляд, занятие. Какую бы форму ни принимала демократия, она всегда является одной из ипостасей единовластия.

— ?!

— Озадачил вас, признайтесь? Я имею в виду вот что: критический момент в истории каждой страны складывается тогда, когда высший властитель государства, поддерживаемый большинством народа, вступает в конфликт, открытый или завуалированный, со своим вчерашним окружением. Точнее, с узким кругом семей и лиц, подпирающих вершину власти. Терминология тут не имеет большого значения. В одних странах этот «истеблишмент» называется военно-промышленным комплексом, в других — крупными латифундистами, в третьих — номенклатурой. Если лидер страны обладает достаточным опытом и самообладанием, он в состоянии повернуть народ против тех, кто лишает свободы действий его — лидера. Вполне российская, кстати сказать, комбинация: вспомните эйзенштейновского «Ивана Грозного»... Впрочем, если это могло успешно проходить в былые времена, то сегодня чреватое диктаторским режимом: Цезарь плюс «масс-медиа» равняется Сталин или Гитлер.

— Вы вообще, я заметил, любите логические формулы для доказательства своих идей, для углубления сюжетных коллизий. Например, в повести «Война пивов», в которой рисуется фантастическая картина мира, где место человека заняли пожирющие информацию компьютеры-пиявки, вы приводите уравнение из так называемой компьютерной логики:

Бог	человек	компьютер
человек	компьютер	человек

Как следствие: Бог+компьютер=человек в квадрате. Другими словами: зачем нужны люди, когда есть компьютеры? Мне кажется, что ваша писательская логика складывается математически. Однако сухие логические выкладки, по-моему, неправомерны, когда речь идет о коллизиях исторических. Или вы придерживаетесь другого мнения?

— На мой взгляд, большинство на-

— То-то и оно! У меня всегда начиналась аллергия от этих разговоров парижской эмиграции: «Если бы не революция, я давно стал бы генерал-аншефом!.. Надо было заставить Николая II отречься от трона в пользу одного из великих князей, тогда бы...» Это глупость — пытаться переписывать историю. Тем паче, что если бы правящие режимы как во Франции, так и в России были совершенны, они не породили бы в своем чреве революций. Мать не может не нести ответственность за дитя, которым она беременна. Только глупец в состоянии полагать, будто народ восстает против гнета властей; он берется за оружие тогда, когда власть ослабевает. Это вам говорят не выпускники Сорбонны, защитивший диссертацию в университете в Льеже, а профессиональный военный, пять лет проведенный на фронтах Алжира.

— Как? И вы вслед за дедом и отцом стали офицером?

— Знаете, во французской армии говорят, что есть три категории кретинов: кретины обыкновенные, кретины-бедолаги и кретины-добровольцы. Я принадлежу к третьей категории. Меня с детства воспитывали: если где-то стреляют, ты должен быть там. Я поехал на войну в Алжир добровольцем. Чтобы поступить в училище и стать офицером, я даже согласился получить французский паспорт. Французское гражданство мне, считайте, навязали.

— Но ведь вы же родились во Франции?!

— И мог, соответственно, стать французом уже при рождении. Но мои родители записали меня апатридом, для них это было знаком верности России. «Нансеновский» паспорт явился пропуском для хождения по мукам. Нас, русских эмигрантов, унижали по любому поводу. При продлении годичного вида на жительство в префектуре полиции травили, как больных собак. Нет хуже без добра: в конце концов мы поняли, что обратно в Россию пути нет. Но все равно не хотели становиться французами. Они нам казались странными чужаками, которые мыслы в стоячей воде, закупорив пробкой раковину, ели сыр на десерт, совершали туалет утром, а не вечером...

В юности очень страдал оттого, что оторван от России. А потом понял: то, что другие могут извлекать из понятия о родине, я должен извлечь из понятия об изгнании. Обязан найти соотношение с изгнанием, похожее на то, что остальные находят с родиной. В какой-то мере я разработал особый жанр во французской литературе о России. Так называемые «исторические романы во второй степени». Пишу о важных моментах российской истории, исходя не из фактов, а из мифов, созданных на базе фактов.

— Уж не «Ялту» ли вы имеете в виду? Помню, ваша пьеса, написанная к 40-летию Ялтинской конференции, широко шла во многих странах и получила негативную оценку в советской печати.

— Честное слово, не знаю, почему моя пьеса вызвала раздражение у некоторых советских изданий. Возможно, необходима поправка на 1984 год? «Ялта» по жанру — греческая трагедия. Там три действующих лица — Черчилль, Рузвельт, Сталин — и хор. Хор — это все народы мира. Практически все, что говорят три персонажа, — выдержки из того, что на самом деле звучало на переговорах. Хор же — моя поэтическая интерпретация происходящего за «круглым столом». Как не покажется кое-кому парадоксальным, самая сильная личность в «Ялте» — Сталин! Он выиграл страшную войну и убежден в правоте того, что вершит. А Черчилль — последний романтик уходящей эпохи, у которой для существования нет больше ни сил, ни средств.

— А вы испытываете ностальгию по той эпохе?

— Наверное, да. Ведь это было время первой эмиграции — моих отцов и дедов. Тогда говорили «автобус», а не «автобус», «библиотека», а не «библиотэка»... Впрочем, в силах ли различные ударения разделить народ безвозвратно на две неравные части? Русская культура и литература — это единый организм... Знаете, как я переживал из-за того, что вынужден был оставаться в стороне, когда Россия праздновала тысячелетие своего крещения!

— Ну, а почему же вы не поехали в тот год в Москву или Киев? Хотя бы туристом!

— Неужто вам до сих пор непонятно? На Родину туристом не ездят.

Беседу вел
Кирилл ПРИВАЛОВ,
соб. корр. «ЛГ»